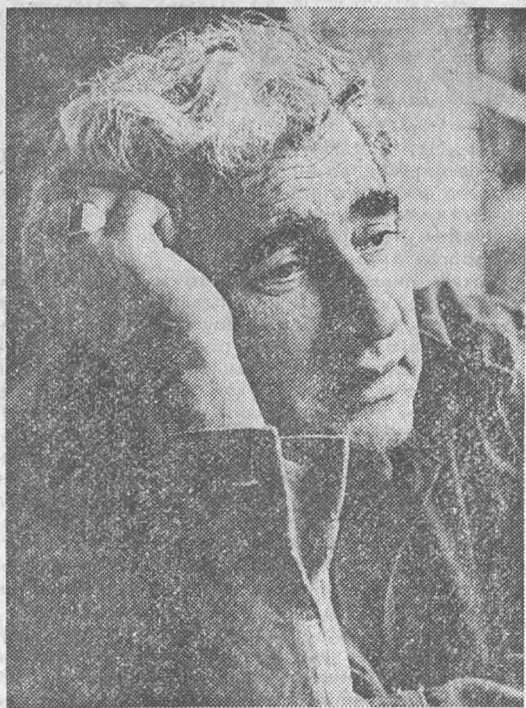

17 ЯНВ 1985

Валентин Катаев

МОЙ ДРУГ НОДАР

При его внешней респектабельности, серьезности, при заметной седине в его густых волосах, при строгости его взгляда, при всем том, что делало его образцом писателя-классика, в нем временами проскальзывало что-то озорное, я бы даже сказал — мальчишеское, делая его еще более обаятельным.

Несмотря на нашу душевную и творческую близость, судьбе было угодно свести нас с Нодаром Думбадзе всего лишь только один раз во время нашей совместной поездки в Соединенные Штаты в составе делегации советских писателей.

Мы совершили поездку по многим штатам и городам необыкновенно сложного и пестрого государства, именуемого в сокращенном виде Америкой.

Во время упомянутой поездки мы с Нодаром очень подружились и были почти все время неразлучны.

Нодар поражал меня своей острой, тонкой наблюдательностью истинного художника. Ни одна мелочь не проходила мимо его проницательных глаз. Каждое его наблюдение сопровождалось коротким замечанием, метким и выразительным.

В пушкинское время подобные замечания назывались эпиграммами; Нодар был великим мастером подобных эпиграмм, подчас не лишенных философской глубины.

Мы все время обменивались своими впечатлениями.

Но это не была простая светская болтовня двух друзей-туристов, попавших в новую страну.

Замечания Нодара всегда были выражением его отношения к социальной или политической структуре Штатов. Он замечал то, что не всегда было замечено другими.

Нередко беглые и всегда краткие замечания Нодара заменялись каким-нибудь простым восклицанием, в котором было больше смысла, чем в иных длинных рассуждениях.

Мне очень запомнилось одно из подобных эмоциональных восклицаний Нодара.

Хотелось об этом рассказать по возможности подробно.

Дело было в Калифорнии, в знаменитом городе Лос-Анджелесе, одном из самых богатых городов Нового Света.

Кроме своих великолепных банков, промышленных предприятий, заводов, шикарных ресторанов и баров, особняков миллионеров и пр., Лос-Анджелес славится еще соседством с центром американской кинематографии — прославленным Голливудом, с многочисленными вил-

лами мировых кинематографических звезд, а также «Диснейлендом» — увеселительным парком со всеми атрибутами диснеевских мультипликаций в натуральную величину.

Нашу делегацию поселили в недавно построенном отеле «Бонавентуро», поражавшем воображение своей супермодернистской архитектурой, ни на что не похожей. Представьте себе странное, колоссальное сооружение, издали похожее то ли на некий громадный завод, то ли даже на фантастические формы космодрома будущего.

Приблизившись к этому сооружению, мы обнаружили, что оно как бы состоит из нескольких громадных труб вышиною с Эйфелеву башню, а может быть, даже еще выше. Трубы эти расположены вокруг некоего земельного пространства размером в футбольное поле. Это пространство оказалось не более не менее, как холмом отеля: тут были расположены прилавки портье, развешаны доски с ключами гостиничных номеров, телефоны, почтовые ящики и вообще все, чему полагается быть в холле любого отеля.

Тут же размещались различного рода кафе, небольшие и большие рестораны, закусочные, магазинчики самообслуживания, табачные и газетные киоски и тому подобное. Все они находились на разных уровнях от земли и соединялись переходами, лестничками, мостиками. Остальное пространство земли или, вернее, ее синтетическое подобие представляло собой живописный ландшафт с настоящими живыми деревьями, цветочными клумбами, ручейками, бассейнами в виде небольших озер, покрытых тростником. Тут же виднелись кусты цветущего кустарника и даже небольшие водопады.

В воде плавали утки, а в воздухе порхали птички.

Среди всего этого толклолось множество туристов со своими рюкзаками и сумками, а их чемоданы куда-то возили в каталках служащие отеля.

Что же касается упомянутых уже мною колоссальных труб, которые уходили куда-то высоко в небо, то в этих трубах вверх и вниз со скоростью артиллерийских снарядов летали суперскоростные лифты, поднимающие постояльцев отеля в их номера, расположенные где-то рядом с облаками на обморочной высоте.

Сами же по себе номера ничего особенного не представляли: коридорчик, туалет, ванна, душ, телефон, автоматическая электрическая печь и тому подобное.

Необыкновенным в этих номерах была наружная стена, сплошь стеклянная, так что с высоты, скажем, сорокового этажа постояльцу открывался вид калифорнийских холмов, зеленых лугов, сеть автомобильных дорог, по которым среди дорожных сигналов, знаков и реклам по разным направлениям неслись автомобили, казавшиеся не более каких-то проворных разноцветных букашек. А легкие калифорнийские облачка, казалось, можно потрогать руками.

Увидев и осознав всю эту фантастическую картину (быть может, несколько мною преувеличенную, однако не слишком), Нодар Думбадзе на некоторое время как бы окаменел не то от изумления, не то даже от ужаса. Наконец после недолгого молчания Нодар вдруг вскинул слегка уже поседевшую голову, великоленным жестом поднял руку и громким голосом с баритональным, чисто грузинским тембром воскликнул:

— Америка, остановись!

Таким он мне и запомнился: маленький — на фоне громадного и нелепого сооружения отеля «Бонавентуро», похожий то ли на разгневанного пророка, то ли на поседевшего мальчика с грозно сверкающими глазами...

Он был в то время прекрасен!

К несчастью, судьба не захотела, чтобы наша дружба продолжалась: смерть унесла дорогого моего друга Нодара Думбадзе.

Я никогда его не забуду.

ПЕРЕДЕЛКИНО.

Фото О. Туркия.